

побогатее, а иногда приходит на меня и такое время, что я бы весь Парнасс с музами и с Аполлоном продал за полтину; но та моя беда, что ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки» (48 неделя).

Все рассчитано и переведено на денежный счет. Мерой являются рубль и аршин. Чулков часто обращается к этому сравнению. Он меряет «дела аршином, как купец товары» (2 неделя). «Мне кажется, что всякой год уподобить можно аршину. Аршин имеет в себе четыре четверти, а год имеет четыре времени», — говорит он в 46 неделе. И даже фортуна у него «меряет дела человеческие несправедливым и фальшивым аршином» (49 неделя).

«Нет ничего труднее и чуднее в свете, как согласить и подружить тщеславного гражданина с неопрятным крестьянином», — говорит Чулков, отмечая, что, повидимому, нельзя сблизить между собой людей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы (16 неделя). Они неизмеримо далеки друг от друга. И тем не менее есть сила, которая может это сделать. «Прибыток имеет силу и все перевершит» — прибыль, доход, деньги, вот действительная сила в этом мире. Перед «неопрятным» крестьянином, имеющим деньги, тщеславный гражданин примет на себя образ крестьянина, а сам крестьянин становится равным боярам — «будет боярином перед боярином».

Тема «деньги» не раз встречается в современной Чулкову литературе.

Панегирик деньгам напечатал Эмин в 37 письме «Адской Почты» (стр. 143): «Деньги, которых отец интерес, а дочь роскошь, все смертные, разумными называющиеся, обожают. Прежде много в свете было идолов, а ныне один. . . Деньги родят дружбу, вечные союзы, и разные между владельцами распри. Они суть то вечное и беспрестанное физическое движение, которым все движется, превращается, беспокоится, приходит в порядок и беспорядок, сехнет, цветет, возрастает и убывает. . .» Но здесь деньги — «кумир священный», очень далекий от будничных расчетов Чулкова, от его рублей и копеек.

Рубан второй лист «Ни то ни сьо» (28 февраля) открыл стихотворением «Деньги»: *

«Можно ли нищество
 Д е н ь г а м предпочесть?
 Д е н ь г и лучше средство
 В свете все обрести. . .
 О, серебро и злато!
 И ты, звонка медь!
 Что у нас отъято,
 Коли вас иметь?» и т. д.

Свой интерес к этой теме Рубан объясняет просто: «У голодного хлеб на уме; а мы недавно выпли из бессеребряного Минер-